

От его слов Чжао-гэр рассмеялся, и лицо его совсем посветлело.

— Хорошо... — только и успел он вымолвить, как подошли Чжоу-гэр и тётушка Лю. Заметив, что кожа на шее и руках Фан Цзычэня распухла и пошла красными пятнами, они в один голос принялись уговаривать его вернуться домой.

Хоть Цзычэнь и был ханьцзы, но при взгляде на его белую, нежную кожу и тонкие, изящные пальцы всякий понимал: до того как судьба забросила его в деревню Сяохэ, этот человек явно рос в холе и неге. То, что он вообще пришёл помочь, уже было для них добрым знаком, и большего они не требовали.

Фан Цзычэнь незаметно засунул руку за спину Чжао-гэра и легонько ущипнул его. Увидев, как тот смешно нахмурился, он довольно усмехнулся:

— В таком случае я помогу дяде Лю отнести кукурузу в деревню.

Сил парню было не занимать, а дядя Лю из-за больной ноги всё ещё сильно прихрамывал. Ему и просто ходить-то было нелегко, а уж с тяжёлой ношей — и вовсе больно смотреть. Собранный урожай нельзя было оставлять в поле: если не выставить на ночь караул, к утру мешки наверняка разворуют. Тётушка Лю согласно кивнула:

— Что ж, это будет делом.

С коромыслом Фан управляться не привык — плечи от него болели нещадно, поэтому он поступил проще: подхватил под мышки два огромных мешка с початками и лёгкой, пружинистой походкой направился вниз по склону.

Тётушка Лю проводила его взглядом и невольно улыбнулась.

— Слышала я, как на пристани болтали, будто он по несколько десятков вэней в день на погрузке заколачивает, — сказала она. — Тогда я ещё подумала: ну и присочинили же люди! А теперь вижу: хоть паренёк Фан и сухощав с виду, но силища в нём истинно медвежья. — Она посмотрела на Чжао-гэра и добавила с искренней теплотой: — Ну, теперь-то ты точно дождался своего счастья.

Дядя Лю, едва добравшись с очередной ношей до середины пути, увидел, как ему навстречу бодро вышагивает Фан Цзычэнь — ни одышки, ни капли пота на лице.

— Ну и ловок же ты, парень! Силён, ничего не скажешь! — похвалил его старик.

Молодой человек и не думал скромничать:

— Пустяки. Было бы чем ухватить, я бы и четыре мешка за раз унёс.

Он совершил ещё пару ходок. Его стройный силуэт, то и дело мелькавший на межах, стал настоящим украшением трудового дня. В разгар жатвы на полях было даже многолюднее, чем в самой деревне, так что многие сельчане приметили его рвение.

Местные гэры и девушки украдкой поглядывали на него, а мужики, отбросив всякое стеснение, пялились в открытую.

Один старик, работавший на соседнем участке, негромко сказал товарищу:

— Этот Фан — парень что надо. Душа у него добрая. Как-то он с работы шёл, увидел, что я вязанку хвороста тащу, так сам подбежал и до самого дома её допёр.

Собеседник оторвался от дела и, мазнув взглядом по Цзычэню, буркнул:

— По лицу видать, что человек стоящий. Да и к жизни приспособлен куда лучше, чем тот учёный Ван из деревни Сяожун.

В те времена образование ценилось превыше всего, поэтому, услышав в голосе соседа неприкрытую неприязнь к книжнику, старик удивился:

— Чем же тебе учёный Ван так насолил?

Тот лишь презрительно скривился:

— В прошлом году в город на ярмарку ездил, и в пути меня дождём накрыло. Как раз староста на воловьей телеге мимо проезжал, подвёз до дома. Ван этот тоже на телеге сидел. — Обычай велел гэрам и женщинам садиться слева, а мужчинам справа, поэтому деревенский мужик примостился по правую руку от учёного. Будучи неграмотным, он всегда испытывал перед книжниками благоговейный трепет, а потому старался не мешаться. — Только я присел, как этот Ван нахмурился, оглядел меня с головы до ног, будто я навозная куча, и тут же пересел к другому человеку.

Такая выходка была кровной обидой. Деревенские мужики порой бывали неряшливы, но достоинство имели — в город всегда старались одеться поприличнее. Что же в нём так не понравилось этому гордецу?

— Слышал я, он ещё мальчишкой к старому сюцаю в город учиться уехал. Сдавал экзамены раз восемь или девять, а до сих пор даже звания туншэна не заслужил. И чего нос задирает —

непонятно. Паренёк Фан перед ним — как небо перед землёй.

— Ну, не скажи, — возразил старик. — Учёные — люди деликатные. Фан, конечно, молодец, и грамоте обучен, но куда ему до тех, кто на государственные экзамены метит!

Тут в разговор вклинился ещё один сосед:

— И то верно. Как бы хорош ни был Фан, он всё же на других спину гнёт. А учёный Ван — другое дело. Если выбьется в люди, чиновником станет, весь род прославит!

— Пф-ф! Прославит он, как же! — фыркнул первый. — Слышал я, его семья, чтобы учёбу оплатить, уже несколько му земли распродала. Его отец — мой ровесник, а выглядит сейчас... тьфу! Минимум лет на двадцать старше меня, кожа да кости, точно у обезьяны. И ради чего всё это?

— Сейчас горько, зато, если Ван в чины выйдет, отцу перед предками на том свете не стыдно будет показаться.

— Совсем ты, старый, с ума спрыгнул! Твои предки, по-твоему, перерождаться не пошли, а в преисподней сидят и ждут, когда ты им весточку пришлешь?

Они спорили до хрипоты, сходясь лишь в одном: как бы ни был хорош Фан Цзычэнь, ему никогда не сравниться с настоящим книжником. Но когда по деревне пополз слух, что Фан заручился поддержкой старосты и Лю Далэна и сам намерен сдавать экзамен на туншэна, у всей деревни глаза на лоб полезли.

Деревня Сяохэ снова загудела, точно потревоженный улей.

Для крестьянина середина августа — самое тяжёлое время. Едва закончили с кукурузой, как подошёл черёд риса. Хоть деревня и относилась к южным владениям Великой Ся, рис здесь давал урожай лишь раз в год — не то что в округе Пуся, где собирали по два урожая, а потому и жили богаче.

Лето в этих краях дождливое, так что созревшие колосья нужно убирать не мешкая. Мало того что птицы и крысы не дремлют, так ещё и внезапная буря может повалить стебли в воду, и тогда всё зерно попросту сгниёт. У каждого дома были дворы, но земля в них была сырая, поэтому рис сушили на огромных бамбуковых циновках — так и рассыпать зерно проще, и собирать потом легче.

У дяди Лю рисовый клин был совсем крошечным, размером с ладонь, так что Чжао-гэр там помогать не стал.

Двор у семьи Ма был тесноват, зато рисовых чеков — в избытке. Только вот из всех братьев

делом занимался лишь Ма Дачжуан, остальные же были лентяями почище трутней. В этом году, когда рядом не оказалось Чжао-гэра, который раньше вкалывал за двоих, урожай выдался паршивым. Если прежде собирали по пятнадцать мешков, то теперь едва наскребли девять, да и те были полны мусора и соломы. Утром невестки вынесли циновки за ворота и рассыпали зерно на солнце. К вечеру рис подсох, и его объём заметно уменьшился.

В эпоху, когда не знали ни удобрений, ни селекции, урожайность была крайне низкой. Белоснежный рис считался для деревенских настоящим сокровищем, роскошью. Обычно его не ели сами: выплатив подати в ямэнь, остаток зерна везли в город на продажу, а на вырученные деньги покупали дешёвое старое зерно или грубый коричневый рис.

Хоть грубый хлеб и был безвкусен, зато стоил копейки — за один цзинь белого риса можно было выменять несколько цзиней сечки. Если же оставить всё как есть, семья проест запасы за три месяца, а чем кормиться остальные полгода — богу известно.

В прежние годы семья Ма на продаже риса выручала по несколько лянов серебра, а в этом, боюсь, после выплаты налогов и менять-то будет нечего. Хорошо, если на грубую кашу до весны хватит.

Невестки собирали зерно и вовсю поносили судьбу, но, завидев приближающегося Фан Цзычэня с сыном, мгновенно прикусили языки. Старшая госпожа Ма, всё ещё дрожавшая от страха, что Цзычэнь явится мстить за мужа, при виде него едва не лишилась чувств. Бросив сито, она точно от бешеного пса дунула в дом.

Рис рассыпался по грязной, замусоренной дороге — теперь его придётся выбирать по зёрнышку. Раньше госпожи Сунь и Ли за такую оплошность живьём бы её съели, но сейчас им было не до склок.

Госпожа Сунь, заикаясь от страха, прошептала:

— Он... он ведь не слышал, как мы кости Чжао-гэру перемывали?

Фан Цзычэнь остановился неподалёку, не делая попыток подойти ближе. Госпожа Ли неуверенно ответила:

— Вроде нет...

Глядя на их суету, он недобро, почти злодейски усмехнулся. Казалось, ему просто нечем заняться — прогулявшись с сыном кружком, он с самым безмятежным видом отправился восвояси.

В один из дней, когда торговля колбасой закончилась ещё до полудня, Чжао-гэр повёл сына к аптекарской лавке. Вчера тот, по простоте душевной, пытался купить корицу и бадьян в бакалее, но там их и в помине не было. Вернувшись домой, он пожаловался мужу, и Фан Цзычэнь со смехом объяснил, что за пряностями нужно идти к лекарям.

Бадьян и корица стоили недорого, и Чжао-гэр, решив для начала только попробовать, купил девять лянов, отдав за это почти тридцать вэней.

Масло из семян рапса купили ещё вчера. Придя домой, отец с сыном даже не присели отдохнуть — лишь выпили по ковшу воды и сразу принялись за дело.

Нужно было оборвать хвостики у перцев, выбросить подпорченные плоды, тщательно всё промыть. Пока он рубил перец, Гуай-цзай послушно устроился на пороге и принялся чистить чеснок.

Чеснок тоже нужно было измельчить. Провозились до самого вечера, пока всё не было готово к главной части.

Тщательно вымыв котёл, Чжао-гэр влил масло. Когда оно раскалилось до нужной температуры, всыпал туда душистый и жгучий перец, фенхель, бадьян и свежую кинзу.

Едва он пару раз помешал варево, как над двором поплыл густой, необычный аромат. Гуай-цзай смешно повёл носом и, приподнявшись на цыпочках, заглянул в котёл:

— Папа, как вкусно пахнет!

— Не подходи близко, брызнет — обожжёшься. Пряности нужно томить на малом огне, — наставлял его Чжао-гэр. — Ну-ка, маленький помощник, убери лишние поленья.

— Сейчас сделаю!

Супруг Фана хоть и не знал грамоты, соображал он быстро. Да и на кухне он провёл столько времени, что в кулинарии знал толк. Стоило Цзычэню вкратце описать блюдо, как Чжао-гэр тут же схватывал самую суть.

Когда пряности обжарились до хруста, он выловил их, а раскалённое масло в несколько приёмов влил в измельчённый перец. Тщательно перемешал, добавил соль, щепотку сахара и каплю уксуса — и дело было сделано.

Вся кухня пропиталась аппетитным, жгучим ароматом. Запах этот разнёсся так далеко, что прохожие невольно замедляли шаг и сглатывали слюну.

— Что это там Чжао-гэр кашеварит? Отродясь такого аромата не чуяли!

— И не говори... Даже когда мясо жарят, так не пахнет.

— Аж под ложечкой засосало!

Людей, привлечённых этим духом, становилось всё больше. Кое кто уже готов был постучаться и расспросить, но, вспомнив, что Чжао-гэр дома один, решил, что заходить будет не совсем прилично.

Он кончиком палочки зачерпнул немного соуса и отправил в рот. В тот же миг вкус — острый, пряный и удивительно насыщенный — буквально взорвался на языке. Его глаза восторженно засияли.

Гуай-цзай запрыгал вокруг:

— Папа, а это вкусно? Дай Гуай-цзаю попробовать!

Отец дал ему самую малость.

— О-о-о... — малыш вытаращил глаза, ставшие похожими на два медных бубенчика. — Как вкусно! И пахнет чудесно!

Острое он любил, но Чжао-гэр, боясь, как бы у сына не разболелся живот, больше давать не стал. Гуай-цзай, хоть и очень хотел ещё, капризничать не стал. Он лишь серьёзно сказал:

— Давай закроем крышкой и оставим отцу.

— Угу, — согласился Чжао-гэр. Теперь он понимал, почему Фан Цзычэнь так грезил об этой заправке.

Услышав за воротами какой-то шум, он вышел посмотреть и замер на месте: у их дома собралась целая толпа — и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Все они стояли и зачарованно вдыхали воздух.